

С. И. Голод¹

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЮБОВНЫХ ЭТНОКУЛЬТУР

Все цивилизации создали свои теории «сердечных чувств»: если иметь в виду, в частности, Европу, то будет достаточно назвать «Пир» Платона или «Две любви» Лукиана. Неиссякаемый интерес мыслителей к раскрытию смысла любви нетрудно понять. Любовь, несомненно, затрагивает экзистенциальный мир человека, она в известном смысле — стремление к совершенству. Как не без иронии отметил Х. Ортега-и-Гассет, «<...> только творчески бесплодные люди убеждены, что к науке, искусству и политике следует относиться серьезно, а любовные истории презирать как нечто низменное и пустое».

¹ Профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук.

Признание «вечности» любви не противоречит реальному плюрализму ее форм. Каждая эпоха, цивилизация или крупная этническая общность придает этим отношениям определенную форму и регулирует их при помощи обычаев, традиций, системы ценностей и идеалов, делая тем самым любовь элементом культурно-исторической реальности. Казалось бы, мысль о разнообразии любовных культур — банальна. И тем не менее аналитики и обыватели равным образом ориентированы лишь на одну из них — *романтическую*.

Я же выделю четыре этнически окрашенные любовные культуры — «романтическую», «прагматическую», «гедонистическую» и «интимную».

Принципы романтической (или куртуазной) любви, как известно, сложились в среде средневековых рыцарей в одной из южных провинций

Франции — Провансе. Рыцарскому этосу присущи стремление к воинской славе и гипертрофированное честолюбие: «Сражаться и любить» — таков девиз аристократа. Весь пыл и обожание доставались исключительно замужней аристократке. Неженатый мужчина — юноша — обращает внимание на такую женщину и загорается желанием. Достоин восхищения был тот из рыцарей, кто овладел женщиной своего круга.

По правилам игры «падение» дамы должно происходить «благородным» образом: им следовало учиться «держаться в руках». Исходя из сказанного, думается, не покажется неожиданным следующее резюме: «романтическая» любовь внебрачна, публична, предельно экспрессивна, жертвенна. Вместе с тем не стоит заблуждаться: со временем «любовная модель» старопровансальского рыцарства, выйдя за пределы элитарного круга, претерпела значительные перемены: она утратила возвышенный характер, упростилась. Однако, несмотря на это, ее краеугольные начала — спонтанность, манифестированность и чувственность — прочно укоренились в культурном коде. Пожалуй, и нынешнее поколение французов и других романских народов можно по праву считать наследниками этой манифестируемой любви, пылко переживаемой на людях.

На ином историческом фоне складывались любовные ценности, характерные для буржуазной, особенно американской, культуры. В отличие от рыцаря, который свой статус получал по наследству, буржуа всем обязан самому себе. Установка такого человека обусловлена посюсторонностью его притязаний и трезвостью ума, критерием же добродетели в данном случае выступает полезность. Работать без устали — ключ к успеху. Здесь как будто слышится голос М. Вебера. Жизнь, в том числе и приватная, должна подчиняться строго продуманному регламенту. По мнению общественного деятеля XVIII в. Б. Франклина, не нужно ни самоотречения, от которого никому нет пользы, ни бесполезного умерщвления плоти. Сексуальным утехам необходимо предаваться пореже — не более, чем этого требует здоровье или воспроизводство потомства. Сексуальности отводятся лишь прагматические задачи — прокреация и релаксация. Деторождение — функция института брака. Отсюда становятся понятными слова Франклина по поводу выбора жены: «Открывай пошире глаза до женитьбы, а после — прижмуривай». Принципиальные возможности релаксации широки, но практические соображения — не тратить лишней энергии! — ограничивают выбор между женой и проституткой.

Радикальные сдвиги второй половины XX в., по словам профессора Мюнхенского университета У. Бека, сопутствовали переходу к обществу «риска», то есть модернистскому, правда, при этом был сохранен его фундаментальный прагматический остов. Коммерциализация досуга способствовала открытию многочисленных мест для встреч и эмоциональных контактов молодежи. Мотивы такого рода общения (dating), несмотря на их «шаблонность», тонко отражают сочетания «традиционного» и «инновационного». На «свиданиях» возникла специфическая (рациональная) форма эротизма, получившая на молодежном сленге обозначение «петтинг»

(petting) — «ласки». Суть этого психоэмоционального эрзаца образно представил профессор Билефельдского университета Х. Шельский. Он, в частности, проводит аналогию с курильщиком табака. Сигарета как будто гарантирует наслаждение без риска. Аналогичная находка в области эротики — «петтинг». Эта форма сексуальности — компромисс между поисками эротического удовлетворения с внешним исключением риска для здоровья и соблюдением традиционных моральных требований.

Латиноамериканская любовная культура живет на двух переплетающихся принципах — гедонизме и мачизме. Первый из них образно представил чилиец О. Пас: «Традиционная американская кухня, — отмечал он, — не знает понятия (и чувства) удовольствия. Не удовольствие, а здоровье, не перекличка вкусов, а удовлетворение потребности — вот главные ценности». «Культ здоровья воплощается в “этике гигиены — этике деспотичной”: она правит всем — сексом, спортом, кухней. В отличие от этого, латиноамериканская сексуальная культура акцентирует в любви чувственное наслаждение, телесный изыск, “остроту приправ”, эпикурейство».

Другая важная специфичность этих стран — мачизм. Широко распространено мнение, что в Латинской Америке мужчине называют «мачо», когда хотят подчеркнуть некий набор его свойств — необразованность, грубость, откровенную сексуальность. Возводя любовь к самому себе и своим мужским достоинствам до уровня сверхценности, мачо автоматически «сбрасывает» с себя оковы нравственных обязательств. Мужчина, имеющий полноценную семью, детей и любовниц в придачу — идеальный образ мачо, доказывающий его независимость, высокий сексуальный потенциал и финансовую состоятельность.

Интимная любовная культура также отмечена этническим своеобразием. В славянской — истинной интимностью (задушевностью). Она, в частности, требует непрременного отъединения от *других* (курсив мой. — С. Г.), глубинно-личностного переживания. Как подчеркивал Л. Н. Толстой в «Крейцеровой сонате»: «Пока <...> человечество живет, перед ним стоит идеал и, разумеется, идеал не кроликов или свиней, чтобы расплодиться как можно больше, и не обезьян или парижан, чтобы как можно утонченнее пользоваться удовольствием половой страсти, а идеал, достигаемый воздержанием и чистотой».

И все же такая позиция — крайность, чаще «целомудрие» — не отождествляется с «девственностью», то есть нравственность не сводится к физиологии. В рамках интимной культуры вступление в сексуальную связь не ассоциируется с моральным падением. Вот что отмечал по этому поводу русский философ Н. А. Бердяев: «Вопрос о любви между мужчиной и женщиной есть вопрос личности и не касается общества. Если французу сказать о свободе любви, то он представляет себе прежде всего половые отношения. Русские же, менее чувствительные по природе, представляют себе совсем иное — ценность чувства, свободу и правдивость...»

Стремление российских мыслителей оттенить ценности собственной культуры не случайно. Романтизм, как отмечалось, окрашен в эротико-телесные тона, тогда как «интимность» — в агапейно-эротические.

И последнее. Наивно было бы полагать, что на протяжении XX столетия (а тем более в XXI в.) можно было в неприкосновенности сохранить обычаи, нравы и ценности этнической культуры. Средства массовой коммуникации и Интернет сделали это невозможным. Практически происходят глобализационные процессы, то есть обогащение и одновременно обеднение коренных нравственных принципов. Не является в этом смысле исключением и эмоциональная жизнь.

Психофизиологическая половая специфика (диморфизм), несомненно, влияет, однако жестко не предопределяет всю гамму эротического самовыражения. Так было, по-видимому, всегда, но к середине XX в. «разбалансированность» увеличилась. Механизм социализации, обуславливающий формирование половых субкультур, оказывается в одних случаях созвучным, в других — диссонирующим с психофизикой человека. Тем более что и сама психофизика «поплыла»: разрушаются перверсии, например *мазохизм* сегодня необязательно ассоциируется с дряхлой старостью, а *садизм* — с мачизмом; некоторые перверсии благополучно переродились в парафилию, скажем, *мастурбацию* или *фетишизм*. Определяющим в новой ситуации становится выбор актором, относительно автономным от социума, меры согласованности природного «каркаса» со становящимися социокультурными нравами. Не-

ординарность задачи нахождения сексуальной идентичности подтверждается многообразием гетеросексуального поведения нового поколения.

Не подлежит ни малейшему сомнению незыблемость природной дифференциации полов; одновременно эмпирически обнаруживается углубление сексуальной полифонии у женщин и эротической — у мужчин. Такое поведение в последние годы призывает не только прагматическую эмоциональную культуру, но стало не чуждо и «интимной». В России хорошо известна так называемая «эскалаторная» практика — юноши и девушки при спуске в метрополитен обнимаются и целуются врасход, как на Елисейских Полях (как правило, партнерши).

Эмпирические наблюдения представляют картину либерализации сексуальности: с одной стороны, прорисовывается «традиционная» специфика каждого из полов, с другой — поведение обоих напоминает мужской — «мачистский» образец. Сосуществование названных тенденций подпитывается тем, что в практиках одних (независимо от пола) сопрягается противоборство обычаям и устраняется наносное, исторически преходящее; другие (специально подчеркну — исключительно женщины) обожествляют патриархальные принципы с исторической случайностью («дьявольским наваждением»), отвергая принципиальную возможность вычленить в них общечеловеческое начало.